

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп

В.А. БАРАНОВА*,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
bva06@mail.ru

А.И. ДОНЦОВ**,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
a.dontsov@mail.ru

В статье теоретически обоснован подход к исследованию культурной травмы с помощью анализа воспоминаний поколений, охарактеризованы признаки травмы. Научные задачи исследования предполагали выявление событий, которые конструируют воспоминания двух поколений о конкретном историческом периоде, и анализ того, насколько эти события могут быть охарактеризованы как культурная травма. В исследовании использовались методы опроса и глубинного интервью. Выборку составили 83 респондента. Содержание коллективных воспоминаний свидетельствует о наличии выраженных признаков культурной травмы, которая связана с определенным историческим периодом: для поколения 1961–1975 г.р. таковыми являются события конца 80-х — начала 90-х годов, определяющие начало изменений в политической и экономической системах (перестройка, распад СССР); для поколения «детей войны» таким событием выступает Великая Отечественная война и послевоенный период. Теоретический анализ и эмпирическое исследование позволяют говорить о том, что культурная травма находит отражение в воспоминаниях поколений. В исследо-

Для цитаты:

Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 29–46. doi:10.17759/sps.2019100204

* Баранова Виктория Анатольевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, bva06@mail.ru

** Донцов Александр Иванович — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, a.dontsov@mail.ru

вании также зафиксированы процессы постпамяти — отношение младшего поколения к травмирующим событиям XX века, находящимся вне личного опыта.

Ключевые слова: коллективные воспоминания, культурная травма, коллективная травма, представления о прошлом, события России XX века, поколения, поколение «детей войны», значимые события, постпамять.

Социальные изменения, происходящие в обществе в XX веке, веке социальных трансформаций и политических потрясений, тесно связаны с понятиями культурной травмы и коллективной памяти. В концепции П. Штомпки понятие «травма» объясняет то, что влекут за собой социальные изменения. Социальные изменения, которые могут вызвать культурную травму, связаны с событиями такого масштаба, как «революция (удавшаяся или нет), государственный переворот, уличные бунты; крах рынка, кризис фондовой биржи; радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т.п.); иностранная оккупация, колониальное завоевание; принудительная миграция или депортация; геноцид, истребление, массовые убийства; акты терроризма и насилия; религиозная реформация, новое религиозное пророчество; убийство президента (монарха, короля); разоблачение коррупции, правительственный скандал; открытие секретных архивов и правды о прошлом; ревизия героических традиций нации; крах империи, проигранная война» [25, с. 9]. Социальные изменения, связанные с травматическими событиями, имеют следующие особенности: неожиданность и быстрота, радикальность и всесторонность, разрушение основ, восприятие события как неподдающегося влиянию, шокирующего и отталкивающего. Характеристикой травмы являются «нарушение нормальности», «кардинальное изменение привычного

предсказуемого мира» [25, с. 9]. Восприимчивость групп общества к травме различна, что может фиксироваться в силе переживаний, в диапазоне деструктивного воздействия, в отношении к событиям.

Возможный путь изучения восприимчивости к культурной травме — обращение к воспоминаниям о прошлом, через события которого акцентируются переживания и смыслы, составляющие дискурс травмы для определенной группы общества. Коллективные воспоминания связаны с историей общества, объективным знанием, но «память всегда является “чьей-то” памятью, обусловлена опытом и интересами какой-либо социальной группы» [24, с. 20]. Коллективная память актуализирует определенное содержание исторических событий, а именно такое, какое «представляет группе ее собственный образ, который, конечно, разворачивается во времени, поскольку речь идет о ее прошлом». Память обусловлена обществом, именно оно определяет, какое событие займет свое место в ряду исторических фактов, что останется в памяти, что будет реконструировано в воспоминаниях группы, а что подлежит забвению [23, с. 27]. Субъектом коллективной памяти всегда является социальная группа, ее коллективно разделяемые воспоминания функционально связаны как с прошлым, так и с целями и потребностями жизни группы в настоящем [11].

Существует ряд близких по смыслу к понятию «культурная травма» феноменов: психотравма, травматический

стресс, трудная жизненная ситуация, травматический невроз и т.п. [12; 15; 17]. Тема травматического опыта успешно развивается и в контексте вопроса о связи личного и социального аспектов переработки травматического опыта на примере переживших трагедии Холокоста, репрессий, лагерей [8; 9; 19; 20; 21], но, несмотря на определенные акценты, рассматриваются состояния, развертывающиеся прежде всего на уровне личности.

Культурная травма традиционно соответствует уровню больших социальных групп, коллективных феноменов [1; 2; 3; 4; 5; 25; 26], представляя собой «типичные для групп острые, даже болезненные, переживания людей, имеющие последствия не только на уровне индивидуальной психики, но и на уровнях групповом и социетальном» [10, с. 75].

Феномены коллективной памяти и культурной травмы связаны друг с другом в силу инертности культурной травмы, развертывающегося во времени процесса рефлексии событий, вызвавших ее, и возможностей преодоления ее последствий [4; 5; 25; 26; 31; 33].

Напомним, что культурная травма в концепции П. Штомпки описывается как переживаемое обществом состояние напряжения, шока от нарушения установленного порядка и сопровождается состояниями апатии, беспомощности, пессимизма, депрессивными чувствами неверия в будущее. Влияние травмы тем сильнее, чем значительнее различия между привычным образом жизни и условиями, создавшимися вследствие травматических событий, «чем сильнее «шок», тем сильнее влияние травмы, тем больше травма затрагивает ядро коллективного порядка — сферу базовых ценностей, правил, центральных ожиданий, и тем сильнее она чувствуется» [25, с. 10].

Важно, что травма не определяется абсолютно объективным фактом, событие должно восприниматься и переживаться «как проблема, нечто беспокоящее, болезненное, требующее исцеления» [25, с. 13]. Другими характеристиками культурной травмы являются труднопреодолимость и сильнейшая инерционность, которая обеспечивает ее долгое существование и сохранение в памяти поколений.

Драматический характер культурной травмы, ее проявление в изменении идентичности, обретение смысла травмы через общественные репрезентации подчеркивает Р. Айерман. По его мнению, культурная травма является формой воспоминания, которая задает ракурс сочленения «коллективной идентичности и коллективной памяти, когда индивидуальные истории сливаются воедино в формах и процессах коллективной репрезентации» [2]. Не только непосредственное переживание события выступает условием его категоризации как травмы, важная роль в этом процессе отведена созданию общественного дискурса: то, как репрезентировано событие, определяет его сохранение в коллективной памяти — «травматический смысл события должен быть утвержден и воспринят; этот процесс занимает время и требует опосредования и репрезентации» [2]. Репрезентация события конструирует его значение в публичной сфере, стирая различия между людьми и ликвидируя «разрыв между происшествием и воспоминанием о нем», создавая социальную основу для возникновения культурной травмы [2].

Культурная травма в понимании Н. Смелзера (N. Smelser) — событие, которое создается, «творится» в дискурсе, подрывает ключевые элементы «культуры или культуру целиком», угрожа-

ет существованию общества, нарушает его фундаментальные основы [33, с. 38]. Культурная травма трактуется как воспоминания событий и ситуаций, которые признала и о которых заявляет социальная группа в публичном дискурсе. Негативный эмоциональный контекст, забываемость, неизгладимость являются признаками культурной травмы.

Дж. Александер объясняет возникновение культурной травмы через процесс преобразования культурных смыслов и связей между людьми в обществе. Культурная травма — результат особо значимого реального события, однако сами по себе события не создают коллективную травму и не являются травмирующими по своей внутренней природе. «Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества» [4, с. 16], травма — то, что «создается обществом» [4, с. 8]. Событие становится травмой, «если происходит резкое смещение упорядоченных, привычных смыслов сообщества, ...именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха» [4, с. 18]. Примерами травмы являются разноплановые события: рабство, войны, Холокост, этнические чистки, но групповая специфика восприятия и переживания события выступают ключевыми моментами для получения событием статуса травмы. «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [4, с. 6]. Заявление социальной группы «о некоем глубочайшем увечь» является началом конструирования травмы [4, с. 19].

Таким образом, культурная травма — это коллективный феномен, сохраненная память поколений о значимых событиях, связанных с нарушением нормальности существования и привычного образа мира, преобразующих сферу базовых ценностей и смыслов. Ее характеристиками являются состояния напряжения и шока, проблемность и сильные переживания, требующие разрешения. Травма творится в общественном дискурсе, конструируется и репрезентируется обществом, обладает инерцией, оставаясь в памяти следующих поколений.

Для данного исследования важно, что переживание события, несущего травматический опыт, отражается в коллективных воспоминаниях социальной группы посредством рефлексии определенных исторических событий и периодов. Содержание воспоминаний не только позволяет определить их специфичность для поколения, но и развертывает картину «разрыва социальной ткани», процесса культурной травмы, объединяющего членов социальной группы осознанием принадлежности к «ужасающему событию», навсегда определившему память этой группы и ее идентичность.

Конкретной социальной группой в исследовании выступает поколение — социальный феномен, справедливо претендующий на особое внимание различных гуманитарных наук, очевидно, в силу того, что не решается задача о критериях выделения поколенческих групп и нет ответа на вопрос о том, возможно ли это решение. Теоретическое осмысление феномена «поколения» не является предметом этой статьи, в данном контексте поколения представляют конкретные социальные группы, имеющие существенные характеристики, которые будут описаны ниже.

Организация и методы исследования

В исследовании поставлены вопросы о том, какие события составляют содержание поколенческих воспоминаний о России XX века, какие из событий отвечают характеристикам культурной травмы, как репрезентирована травма в групповом сознании и процессах постпамяти.

Основными методами являлись опрос и интервью. На первом этапе выявлялись особенности событийного ряда периода России XX века у двух поколений: собирались ассоциации к понятию «Россия XX века»; ответы анализировались по методу П. Вержеса [7]. События коллективной памяти поколения анализировались по характеристикам культурной травмы. На втором этапе проводился тематический анализ нарративных интервью [32] представителей поколений, что позволяло через субъективные повествования выявить аспекты травматизации, представленные в коллективном опыте проживания определенного события.

В исследовании (2018–2019 гг.) участвовали 83 человека, являющиеся представителями двух поколенческих групп: 1) респонденты 1961–1975 г.р. (60 человек), средний возраст — 54,3 года; 2) респонденты 1928–1939 г.р. (23 человека), средний возраст — 85,2 года, граждане России, проживающие в городах Архангельск, Калининград, Москва, Новодвинск. Представители младшего поколения родились в период апогея развития социализма, характеристики этого поколения являются противоречивыми и спорными [13; 18; 22]. Старшее поколение — «дети войны» — объединено военным и послевоенным временем, в котором проходило их детство.

Все респонденты родились в XX веке, прожили в нем сознательный период своей жизни, были свидетелями и участниками общих событий: Афганская война, перестройка, распад СССР, чеченские войны, путч, расстрел Белого дома, финансовые реформы, дефолт и т.д.

Выбранные возрастные группы являются поколениями родителей и детей, что расширяет возможности изучения поколенческих аспектов коллективных воспоминаний с позиции теории культурной травмы и процессов постпамяти.

События истории России XX века: выбор поколений

На первом этапе с помощью ассоциативного метода были выявлены представления о событиях России XX века у двух групп, что позволяло сравнить актуализированные в коллективной памяти поколений события и проанализировать их в парадигме культурной травмы.

В младшей поколенческой группе было собрано всего 372 ассоциации, в старшей группе собрано 150 ассоциаций, основному анализу подвергались те понятия, которые указывали не менее 5% респондентов.

В ядре (I) расположены самые высокочастотные и низкие по рангу ассоциации, что характеризует особое место событий в памяти поколения (табл. 1; табл. 2).

В содержании представлений обеих групп присутствуют как события, которые отвечают характеристикам культурной травмы, так и события, которые таковыми не являются. Такие события, как «Великая Отечественная война», «Революция 1917 года», «Распад СССР», являются переломными моментами эпохи, характеризуются дезорганизацией со-

Таблица 1

**Элементы, образующие ядро и периферию социальных представлений
о событиях России XX века для младшего поколения**

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	Низкий ранг (<3,8)	Высокий ранг (>=3,8)
Высокая частота (>35)	I. Великая Отечественная война (60; 1,6) Революция 1917 (50; 1,8) Освоение космоса (53; 2,3) Распад СССР (46; 3,0)	III. Технический прогресс (52; 4,1)
Низкая частота (<35)	II. Период СССР (30; 3,5) Февральская революция (32; 3,1) Перестройка (33; 3,6)	IV. Первая мировая война (32; 4,0) Гражданская война (20; 6,0) Социализм (19; 5,2) Оттепель (10; 7,0)

Таблица 2

**Элементы, образующие ядро и периферию социальных представлений
о событиях России XX века для старшего поколения**

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	Низкий ранг (<2,35)	Высокий ранг (>=2,35)
Высокая частота (>=17)	I. Великая Отечественная война (23; 1,7) Освоение космоса (21; 1,5) Технический (научный) прогресс, индустриализация (20; 2, 0) Период СССР (17; 2,2)	III. Холодная война (17; 3,1)
Низкая частота (<17)	II. Революция 1917 (16; 1,9) Сталин (смерть Сталина) (11, 2,3) Социализм (15; 2,3) Распад СССР (10; 2,1)	IV. Перестройка (11; 3,1) Репрессии (16; 3,3) Оттепель (13; 5)

циальной структуры, предопределяют раскол упорядоченного мира, создают основу для развития последующих изменений и имеют значение не только для России, но и для всего мира, что позволяет характеризовать их как культурную травму по объективным признакам.

Объединяющими для двух поколений событиями являются «Освоение космоса» и «Великая Отечественная война», чья особая роль в коллективном со-

знании россиян подтверждается и более ранними исследованиями коллективных воспоминаний [6; 11; 13].

В исследовании А.В. Кузнецовой, выявляющем значимые события истории России, респонденты разных возрастных групп, кроме Великой Отечественной войны, отмечали Октябрьскую революцию, распад СССР и перестройку [13].

Ретроспективное сопоставление результатов исследований, проведенных

различными методами относительно разных исторических континуумов через многолетний временной интервал — динамичный период глубоких социальных трансформаций (финансовый кризис 2014 года, возвращение Крыма, экономические санкции и т.д.), позволяет зафиксировать устойчивую тенденцию сохранения значимости отдельных событий в коллективном сознании. В коллективной памяти существуют «ядерные», эпохальные события, которые репрезентируются социальными группами и относятся к событиям, задающим пространство культурной травмы (табл. 1; табл. 2).

Нарратив главных событий поколения: основные темы

На втором этапе исследования были проведены нарративные интервью с представителями (8 и 6 человек) двух поколений: респонденты давали характеристику наиболее значимым событиям/периодам России XX века по своему выбору. При анализе в повествовании выявлялись определенные тематические категории, на основе которых делались выводы о значимости событий для поколения: учитывались частота упоминания тем, смысловые нюансы подачи информации (вербальный и невербальный аспекты), фиксировались чувства и эмоциональные реакции.

Анализ интервью младшего поколения (1961—1975 г.р.)

В повествования респондентов включены следующие события: революция 1917 года (80%), Великая Отечественная война (100%), события периода пере-

стройки и распада СССР (100%), что соответствует событиям ядра представлений (табл. 1). Объяснения выборов событий отличались объемом, развернутостью, детализацией, количеством примеров из личной жизни, степенью эмоциональной вовлеченности.

Революция 1917 года описывается респондентами лаконично, конкретизации нет, примеры личной и семейной истории не приводятся. Эмоциональное отношение проявляется посредством паралингвистической системы, лексические конструкции апеллируют к аргументации позитивного значения революции в связи с созданием нового государства и началом Советского периода. Темы травматизации не присутствуют: не упоминаются темы голода, разрухи, войны, переживаний, социальных чувств, но четко фиксируется категоризация *Революции 1917 года* как великого переломного события, определившего позитивные социальные изменения и начало периода достижений нового общества.

«Революция 1917 года — поворотный момент истории России. Благодаря ей в стране начали происходить масштабные изменения в лучшую сторону. Страна достигла таких высот в максимально короткое время, — многие страны до сих пор думают, что мы сделали невозможное. Именно из-за революции стали возможны бесплатная медицина, образование, нормировался труд рабочих, равноправие женщин и мужчин. Страна стала мировой державой, с которой считались и которую боялись» (С.И., 1973 г.р.).

«В 1917 случилось то, что произойти не должно было ни при каких обстоятельствах. Гениальная комбинация, каких не знала история. Но важность события не только в этом. Несмотря на все нюансы, которых я не отрицаю, бла-

годаря именно этому событию стал возможен Советский Союз, советское сознание, советский человек — не тот, который завидовал жизни Запада, а тот, который понимал ценность жизни этой. Жаль, что сейчас это разбазарено и практически вычищено из голов молодежи. Мое понимание — это было гораздо интереснее, чем то, что происходит сейчас с каждым отдельным человеком, неважно, бомж он, олигарх или среднестатистический...» (И.В., 1963 г.р.).

Выделяя **Великую Отечественную войну**, респонденты отмечали, что было «побеждено абсолютное зло» (В.Б., 1961 г.р.), что «она очень сильно перевернула историческое восприятие народом своей страны, принесла много трагедии, и об этом стоит помнить и говорить» (Ю.А., 1968 г.р.). Эмоциональная вовлеченность проявляется через невербальную систему и лексические конструкции, которые могут быть проинтерпретированы в смыслах межпоколенческой сопричастности и осознания общемирового значения.

Воспоминания этой группы о военном и послевоенном периодах являются в самом широком смысле воспоминаниями об общественных репрезентациях и о рассказах близких.

Повествования наполнены примерами семейной истории, прослеживается личностная вовлеченность, отношение к событию сформировано через общение с поколением своих дедушек и бабушек — участниками Великой Отечественной войны и со своими родителями (поколением «детей войны»). Семейная коммуникация является базовым источником образования общего событийного дискурса и эмоциональных межпоколенческих связей: через рассказы свидетелей событий, сообщения внукам своих воспоминаний прародителями передаются

«отзвуки уже почти исчезнувших традиций» [24, с. 209].

«Мы с папой и мамой каждый год 9 мая ходили и сейчас ходим к памятнику, они в войну маленькие были, а деды воевали» (Ю.А., 1968 г.р.).

«Когда учились в школе, 9 мая покупали цветы, шли на площадь и каждому ветерану, кто шел навстречу, отдавали по цветочку» (В.В., 1967 г.р.).

«Дедушка был летчиком, всю войну воевал, много орденов и медалей, все сейчас хранятся у папы. О войне не любил говорить, но 9 мая награды всегда надевал, и мы выходили в город. Я такое чувство гордости испытывала, как будто сама их заслужила» (С.А., 1963 г.р.).

Респонденты отмечали и другие институты, формирующие их отношение к войне: школа, уроки, фильмы, памятники, музеи, литература, СМИ, Интернет, общественные акции. Все это является институциональными репрезентациями, отражает социальный контекст памяти и «включает в себя различные культурные и политические практики, которые делают возможным осмысление значения прошлого в свете настоящего, а настоящего — в свете прошлого» [27, с. 255].

«В школе каждый год ветераны приходили, рассказывали про войну. Были уроки памяти, уроки мужества. Мы всегда жили со знанием того, как это важно для нашей страны» (В.В., 1967 г.р.). «На «Бессмертный полк» сейчас с детьми идем и с внуками. С портретами дедушки и прадедушки. Помнить — это очень важно» (С.А., 1963 г.р.). «На уроке литературы обсуждали фильм “А зори здесь тихие”. Учительница тогда сказала, что это так страшно, когда погибают молодые девушки, что у них не будет детей — прерывается род, и это невозможно исправить» (И.В., 1963 г.р.).

Факт значимости Великой Отечественной войны для более младших поколений [6; 11; 13] подтверждает возможность изучения процессов постпамяти (М. Hirsch), в широком смысле ставящих вопросы о том, «как поколения детей и внуков, переживших травмирующие события XX столетия, выстраивают свое отношение к ним — к не их собственным воспоминаниям...» [21, с. 191; 30]. Важность этих вопросов определена пониманием того, что то, что является постпамятью сегодня, составит содержание будущей коллективной памяти.

Вопрос, что помнится, а что предается забвению, вызван непреодолимым «разломом поколений», который не позволяет совокупности идей и фактов, составляющих целостную картину из жизни старших поколений, встроиться в рамку понимания мира их потомков [13; 24], поколенческим разрывом между теми, кто непосредственно проживал катастрофы XX века, и теми, у кого такого опыта не было [21].

На один из важнейших вопросов постпамяти — образуется ли сегодня «эмоциональная общность между выжившими и живущими сегодня» [21, с. 181] — результаты, в том числе и данного исследования, позволяют ответить утвердительно. Вопрос о том, является ли война фактором травмы для этого поколения, — более сложный. Травмирующие переживания катастрофических событий войны присутствуют в повествованиях в виде понимания, как это было (страшно, голодно, героически и т.д.) в отношении других: как они все смогли пережить, смогли это вынести, выстоять, выжить, т.е. как это проживали те, кто жили тогда. Анализ интервью о Великой Отечественной войне респондентов этого поколения показывает, что тематика травмы присутствует в их

повествованиях и может быть охарактеризована как эмпатическое переживание этого периода.

Интервью *о периоде перестройки, демократизации, распада СССР* отличались детализацией, эмоциональной вовлеченностью, множественными примерами из личной жизни. Для этого поколения масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни стали травмирующим процессом перехода «в другую страну». Рефлексия этого периода имеет посттравматический характер переживаний — акцентируются события, связанные с деструктивными переменами в обществе. «Перестройка — очень тяжелое время: талоны, карточки, нехватка питания. Трудно жить было, денег не было. Я замуж выходила — кольца достать было очень тяжело, коляску купить невозможно» (О.И., 1973 г.р.). «Очень тяжело было. Покупали окорочка, бульон варили, а мясо уже на второе шло. Зарплату не выдавали по полгода. Перестройка нам навредила, люди страдали, народ страдал. Кто на комбинате работал — там талоны выдавали на продукты, на вещи. Можно было даже холодильник купить или телевизор. Если повезет, конечно. Время очень тяжелое. Хаос, вообще ничего не понятно. Только сейчас становится понятно, что можно было бы тогда сделать (О.Н., 1975 г.р.). «У меня ребенок родился в 1991, полки в магазинах пустые, за продуктами — очереди, пеленки покупали по справке из женской консультации. Невероятно, как выживали. Муж заказы с работы приносил, да и сама в очередях стояла, ребенка грудного на руки возьмешь — можно купить на двоих» (С.А., 1963 г.р.).

Респонденты этой группы были не только участниками деструктивных процессов периода перестройки и распада

СССР, но и сейчас психологически связаны с ними особым характером переживаний. Эти переживания составляют содержание трудной жизненной ситуации, являются психологической травмой и актуализируются в коллективной памяти поколения.

Из интервью также следует, что этот период представляет собой границу между «тогда, раньше» и тем, что наступило «потом».

Эта граница достаточно четко отделяет время, *где было хорошо*, от времени, *когда стало плохо*, как в эмоциональном плане, так и в плане изменения ценностей (что является одним из признаков культурной травмы). «То время (советское) было светлое, доброе. В очередях все время стояли, но все равно вспоминаю тепло. Помню, как с мамой долго за курицей стояли, зато на весь подъезд купили. Всех соседей знали, жили дружно, весело, колядовали вместе, дежурили по подъезду. Все открытые были, все помогут, никогда не слухавят. Раньше мимо чужого горя никто не пройдет, а сейчас и соседей-то не всех знаешь. Раньше социальная ответственность была выше» (О.И., 1973 г.р.). «Советское время все равно было хорошее. Раньше у всех все одинаковое было, но нас это не смущало. Цветочек вышьешь или воротничок красивый — уже отличаешься» (О.Н., 1975 г.р.).

Для младшего поколения характеристики периода изменений представлены темами бедности, безработицы, невыплат зарплат, страха из-за невозможности исправить ситуацию, ностальгии по советскому прошлому. Эмоциональные реакции относятся к негативному спектру, за исключением тех, которые связаны с воспоминаниями о Советском периоде, позитивный образ которого отмечен также в ряде исследований [11; 13; 18].

Перестройка задала начало изменений, которым сопутствуют нестабильность, социальная несправедливость, пересмотр ценностей, чувство незащищенности, что является наиболее травмирующими факторами этого времени для большинства россиян [10; 16]. Это период, который определяется как «боль перехода», наполнен травматическими переживаниями из-за появления бедности, изменением жизненных укладов, обнищания, роста преступности [25, с. 10].

Вопрос, в какой степени травматические переживания связаны с последующей жизнью этого поколения, требует дальнейшего изучения. Противоречивая ситуация «жизни в эпоху перемен», с одной стороны, и ориентация на понятное, упорядоченное и социально предсказуемое прошлое, с другой, определяют разнообразные модели отношения к миру и повседневной бытовой культуры, среди которых — особенности потребительского поведения, предприимчивость, неотреллексированность целей, появление особых стратегий копинга и социального успеха. Это поколение характеризуется широким диапазоном качеств: от возможности активно влиять на свою жизнь, готовности к изменениям, прагматизма и индивидуализма до глубоких чувств социального пессимизма, представляющим его нестабильным и страдающим [18; 22].

Анализ интервью старшего поколения (1928—1939 г.р.)

Содержание интервью показывает, что самыми важными являются события, связанные с Великой Отечественной войной и послевоенным периодом (100%), что также отражено в ядре представлений этой группы (табл. 2). В интервью

респондентов этого поколения присутствуют темы голода, бедности, помощи взрослым, радости победы.

«Есть хотелось всю жизнь, карточки, еды не хватало. В баню очередь, вши» (М.А., 1931 г.р.). «Очереди за хлебом огромные, есть хочется постоянно» (Е.Я., 1932 г.р.). «Есть хотелось не сказать как. Я вспоминала, как до войны мама дала мне бутерброд с колбасой, я есть не хотела и думала, куда бы его деть. Так и не съела» (А.К., 1928 г.р.). «Всю жизнь горячая вода для меня огромное счастье и блаженство — в войну трудно это было, да и потом тоже» (Е.М., 1935 г.р.). «Рядом с домом депо было, я ходила каждый день за кипятком. Чужих не пропускали, а меня пропускали» (Е.Я., 1932 г.р.). «Мама меня одну посылала в магазин с карточками, там очередь, но карточки ни разу не украли. Карточки были на хлеб и на мясо. Но вместо мяса давали воблу» (Л.М., 1935 г.р.). «В 1944 к майским и ноябрьским праздникам можно было купить муку. Надо было с вечера записаться, ночью отмечались, а утром с 8-ми часов начинали продавать. Номера писали чернильным карандашом на руке. Мама брала маленького братика, т.к. на номер давали 2 кг муки, — у него на маленькой ручке был синий номер» (Л.М., 1935 г.р.).

Наряду с тяжелыми эмоциональными реакциями присутствуют чувства гордости за победу, принадлежности к героическому времени, совместного разделения радости: «все обнимались и плакали», «хотелось быть со всеми».

В интервью уточнялось отношение к другому сложному периоду жизни, связанному с перестройкой и распадом СССР. Старшим поколением он описывается как тяжелый период, когда нужно было *выживать, что-то придумывать, помогать уже взрослым детям*. Присут-

ствуют темы обиды, несправедливости («всю жизнь работали, а остались ни с чем, нищие практически», «пенсии разве такие были до перестройки — на ту пенсию тогда можно было хорошо жить»), удивления («почему так все произошло», «нас никто не спрашивал, мы просто честно жили и работали»). Смыслы страдания, несправедливого отношения, ощущения бессилия, невозможности повлиять на ситуацию могут быть интерпретированы как острая восприимчивость к травме, вызванной социальными изменениями этого периода.

Тем не менее, для поколения «детей войны» война и послевоенное время выступают в качестве периода, который задает эталон значимости для всей последующей жизни. «По яркости это время несопоставимо ни с чем» (А.В., 1939 г.р.). «Это самое важное в моей жизни. Хотелось бы, чтобы внуки знали, как мы жили в войну, после войны, как трудно было» (М.М., 1935 г.р.). «В перестройку, конечно, тоже непросто было — зарплату не давали, пенсию задерживали, опять талоны на сахар, как в войну, мы, конечно, переживали это в тот момент, но с войной это не сопоставимо» (Е.Я., 1932 г.р.). «В 90-е Союз распался, партия распалась, а мы всю жизнь с этими идеалами жили, все с партбилетами, все рухнуло. Но это совсем другое, это не война» (М.М., 1935 г.р.).

Война и послевоенный период определили модели поведения и отношений на всю дальнейшую жизнь. В этом поколении уважение к хлебу, к продуктам очевидно: хлеб никогда не выбрасывается, продукты используются максимально. Уважительное отношение сохранилось и к вещам (одежда хорошая, пока можно ее отремонтировать, перешить; нового не надо — старое еще вполне приличное). Особая культура отношения к

материальному миру, сочетающая строгий рационализм со счастьем обладания минимумом, является примером того, как травмы прошлого определяют повседневную реальность будущего.

Анализ лексических конструкций показал, что конкретные периоды описываются в категориях «преодоления», «выживания». *Трудно было жить; очень тяжело было; непонятно, как выживали* — характеристики «проживания» периода перестройки и распада СССР у младшего поколения созвучны описаниям голодного и бедного детства «детей войны». В отношении периода перестройки и распада СССР у двух поколений присутствуют различные смыслы травматизации. У старшего поколения акцентируются темы предательства, брошенности, разрушения идеалов (несправедливо в отношении тех, кто «много отдал стране, честно работал, верил, был коммунистом»), что свидетельствует о морально-нравственном контексте травмы. У младшего поколения этот период в большей степени представлен темами физического и бытового выживания.

В отношении перестроечного периода самопрезентации старшего поколения могут быть интерпретированы в терминах жертвы («с нами поступили несправедливо, мы этого не заслужили»), чего не обнаруживается в повествованиях о войне и послевоенном времени, в которых присутствует тема избранности, принадлежности к своему поколению, обладающему особым жизненным опытом.

Заключение

Для определения травматичного события как центрального для поколе-

ния историческая значимость является важным, но не достаточным фактором; необходимым условием становится его характеристика в коллективном сознании поколения. Важно место, которое занимает это событие в континууме жизни поколения, и степень, в которой оно обладает характеристикой эталона, для сравнения с другими периодами жизни.

События различаются по степени воздействия — одни несут в себе сильный эмоциональный заряд, оказывают сильное эмоциональное влияние на людей, другие являются эпохальными, меняющими уклад жизни. Помнят события обоих типов, однако только эпохальные события играют ключевую роль в формировании групповой идентичности. В исследованиях показано, что европейцы, пережившие Вторую мировую войну, часто упоминают ее, говоря о событиях своей личной жизни, а американцы и канадцы поколения, на которое пришлось Вторая мировая война, упоминают ее гораздо реже европейцев [29].

В данном исследовании в качестве эталонных выступали события реально прожитые, представляющие историческую значимость и имеющие в коллективном сознании поколения смыслы травмы. Травма является и единовременным событием, «которое резко изменило жизнь», и процессом, «который продолжает оказывать воздействие на отношение людей к своему прошлому и на их восприятие своего настоящего и будущего. При таком подходе травма становится не столько точкой и даже не столько отправным пунктом, сколько многоточием, траекторией, цепью событий и переживаний» [28, с. 7], событием, «которое разворачивается во времени» [27, с. 250].

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Айерман Р. Социальная теория и травма [Электронный ресурс] // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138. URL: http://www.intelros.ru/pdf/socoboz/01_2013/SocOboz_12_1_07_Eyerman.pdf (дата обращения: 10.05.2018).
2. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2016. № 141. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/141-2016/32010-kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (дата обращения: 10.05.2018).
3. Айерман Р. Интеллектуалы и культурная травма [Электронный ресурс] // InLiberty. 2014. URL: <http://www.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturnaya-travma> (дата обращения: 04.08.2018).
4. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
6. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном Российском обществе // Человеческий капитал. 2017. № 11 (107). С. 76–81.
7. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2008. 263 с.
8. Бурлакова Н.С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.01.2019).
9. Донцов А.И., Гончарова В.А. Холокост как феномен социальной памяти // Век толерантности. 2005. № 1–2. С. 55–61.
10. Емельянова Т.П. Культурная травма: социально-психологические аспекты [Электронный ресурс] // Материалы итоговой научной конференции ИП РАН (14–15 февраля 2008 г.) / Ред. А.Л. Журавлев, Т.И. Артемьева. М.: ИП РАН, 2008. С. 75–85. URL: <https://refdb.ru/look/1623073.html> (дата обращения: 20.11.2018).
11. Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.03.2019).
12. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. Кострома: Авантитул, 2004. 344 с.
13. Кузнецова А.В. Коллективные воспоминания о политической власти в различные исторические периоды у представителей разных социальных групп россиян // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 102–116.

14. *Левада Ю.А.* Ищем человека: социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. 384 с.
15. *Магомед-Эминов М.Ш.* Экстремальная психология. Т. 2. От психологической травмы к психотрансформации. М.: Психоаналитическая ассоциация, 2006. 576 с.
16. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 23–36.
17. *Петрова Е.А.* Феномен психотравмы: теоретический аспект // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2013. Т. 2. № 74. С. 89–91.
18. *Семенова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.
19. *Семилет Н.В.* Концепция трансгенерации коллективной травмы: способы исцеления [Электронный ресурс] // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. № 2. URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/pdf/2014/2/932.pdf> (дата обращения: 23.09.2018).
20. Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.
21. *Трубина Е.* Феномен вторичного свидетельства: между безразличием и «отказом от недоверчивости» // Травма: пункты: сборник статей / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 171–205.
22. *Федулова А.* Поколение X и поколение Y — кто они и в чем разница [Электронный ресурс] // MOIARUSSIA. Вып. 14 февраля 2016 г. URL: <http://moiarussia.ru/rokolenie-y-rokolenie-x>. (дата обращения: 16.01.2019).
23. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память. Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. 2005. Т. 40–41. № 2–3. С. 8–27. // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. (дата обращения: 12.11.2018).
24. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
25. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–17. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/512753-1-2001-shtompka-socialnoe-izmenenie-kak-travma-statya-pervaya-shtompka-petr-professor-yagellonskogo-universiteta-krako.php>. (дата обращения: 10.10.2018).
26. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/827/688/1231/002Shtompka.pdf>. (дата обращения: 10.10.2018).
27. *Ульберг С., Харт П., Бос С.* Длинная тень беды: Общественная и политическая память о катастрофе // Травма: пункты: сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 247–275.
28. *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать?»: О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–44.
29. *Brown N.R., Lee P.J., Krslak M., Conrad F.G., Hansen T.G.B., Havelka J., Reddon J.R.* Living in History how War, Terrorism, and Natural Disaster Affect the Organization of

- Autobiographical Memory // Psychological science. 2009. Vol. 20 (4). P. 399–405. doi: 10.1111/j.1467-9280.2009.02307.x
30. *Corning A, Schuman H.* Generation and collective memory // The University of Chicago Press. Chicago, 2015. 254 p.
31. *Kenny M.G.* Place for Memory: The Interface between Individual and Collective History // Comparative Studies in Society and History. 1999. Vol. 41 (3). P. 420–437.
32. *Riessman C.K.* Analysis of personal narratives [Электронный ресурс] // Handbook of Interviewing / In Gubrium J.F. and Holstein J.A. (ed.). Sage Publications, 2001. URL: <http://alumni.media.mit.edu/~brooks/storybiz/riessman.pdf>. (дата обращения: 21.10.2018).
33. *Smelser N.J.* Psychological trauma and cultural trauma // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural trauma and collective identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 31–59.

Collective memories and cultural trauma of different generational groups

V.A. BARANOVA*,
*Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia, bva06@mail.ru*

A.I. DONTSOV**,
*Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia, a.dontsov@mail.ru*

The article theoretically substantiated the approach to the study of cultural trauma through the analysis of memories of generations, characterized by signs of injury. Scientific tasks involved the identification of events that construct two generations of memories of a particular historical period and an analysis of how these events can be characterized as a cultural trauma. The study used survey methods and in-depth interviews. The sample was 83 respondents. The content of collective memories testifies to the marked signs of cultural trauma, which is associated with a certain historical period: for the generation of 1961–1975. These are the events of the late 80s – early 90s, which determine the beginning of

For citation:

Baranova V.A., Dontsov A.I. Collective memories and cultural trauma of different generational groups. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 29–46. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100204

* *Baranova Victoria A.* – PhD in Psychology, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, bva06@mail.ru

** *Dontsov Aleksandr I.* – Doctor of Science in Psychology, Professor, Full member of the Russian Academy of Education, Professor of Social Psychology Department, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, a.dontsov@mail.ru

changes in the political and economic system: perestroika, the collapse of the USSR; for the generation of “children of war”, this event is the Great Patriotic War and the post-war period. Theoretical analysis and empirical research suggest that cultural trauma is reflected in the memories of generations. The study also recorded post-memory processes, – the attitude of the younger generation to the traumatic events of the twentieth century, which are beyond personal experience.

Keywords: *collective memories, cultural trauma, collective trauma, perceptions of the past, events of Russia of the twentieth century, generation, generation of “children of war”, significant events, post memory.*

Funding

This work was supported by grant RFFI № 17-06-00980 «The historical and political factors of transformation of the collective memory and identity of the Russian society».

REFERENCES

1. Aierman R. Sotsial'naya teoriya i travma [Elektronnyi resurs] [Social Theory and Trauma]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review]*, 2013. Vol. 12, no. 1, pp. 121–138. URL: http://www.intelros.ru/pdf/socoboz/01_2013/SocOboz_12_1_07_Eyerman.pdf (Accessed: 05.05.2018).
2. Aierman R. Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat' [Elektronnyi resurs] [Cultural trauma and collective memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2016, no. 141. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/141-2016/32010-kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (accessed 10.05.2018).
3. Aierman R. Intellektualy i kul'turnaya travma [Elektronnyi resurs] [Intellectuals and cultural trauma]. In Liberty, 2014. URL: <http://www.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturna-ya-travma> (Accessed 04.08.2018).
4. Aleksander Dzh. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 2012, no. 3, pp. 5–40.
5. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p.
6. Baranova V.A., Doncov A.I. Kollektivnaya pamyat' o soby'tiyax v Rossii XX veka v sovremennom Rossijskom obshchestve [Collective memory of the events in Russia of the twentieth century in modern Russian society]. *Chelovecheskij kapital [Human capital]*, 2017, no. 11 (107), pp. 76–81.
7. Bovina I.B. Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya i bolezni [Social psychology of health and illness]. Moscow: Aspekt Press, 2008. 263p.
8. Burlakova N.S. Psikhodinamika peredachi travmaticheskogo opyta ot pokoleniya k pokoleniyu v kontekste kul'turno-istoricheskoi klinicheskoi psikhologii [Psychodynamics of transferring traumatic experience from generation to generation in the context of cultural-historical clinical psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2016. Vol. 9, no. 45, pp. 11. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed date: 26.01.2019)

9. Dontsov A.I., Goncharova V.A. Kholokost kak fenomen sotsial'noi pamyati [The Holocaust as a phenomenon of social memory]. *Vek tolerantnosti [Age of Tolerance]*, 2005, no. 1–2, pp. 55–61.
10. Emel'yanova T.P. Kul'turnaya travma: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty [Elektronnyi resurs] [Cultural Trauma: Socio-Psychological Aspects]. Materialy itogovoi nauch. konf. IP RAN (14–15 fevr. 2008 g.) [Proceedings of the final scientific. conf. IP RAS (Feb 14–15, 2008)]. In A.L. Zhuravlev, T.I. Artem'eva (eds.). Moscow: IP RAS, 2008, pp. 75–85. URL: <https://refdb.ru/look/1623073.html> (Accessed 20.11.2018).
11. Emel'yanova T.P. Kollektivnaya pamyat' o sovetskom proshlom: nazad v SSSR? [Elektronnyi resurs] [Collective memory of the Soviet past: back in the USSR?]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological studies]*, 2016. Vol 9, no. 47, pp. 4. URL: <http://psystudy.ru> (accessed 20.03.2019).
12. Kryukova T.L. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: monografiya [Psychology of coping behavior: a monograph]. Kostroma: Avantitul, 2004. 344 p.
13. Kuznetsova A.V. Collective Memories of Political Power in Various Historical Periods in Representatives of Different Social Groups of Russians. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2013. no. 3, pp. 102–115. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Levada Yu.A. Ishchem cheloveka: sotsiologicheskie ocherki. 2000–2005 [Looking for a person: sociological essays. 2000–2005]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 384 p.
15. Magomed-Eminov M.Sh. Ekstremal'naya psikhologiya. T. 2. Ot psikhologicheskoi travmy k psikhotransformatsii [Extreme psychology. T. 2. From psychological trauma to psycho-transformation]. Moscow: Psikhooanaliticheskaya assotsiatsiya, 2006. 576 p.
16. Perestroika glazami rossiyan: 20 let spustya [Perestroika through the eyes of Russians: 20 years later]. *Sotsis [Socis]*, 2005, no. 9, pp. 23–36.
17. Petrova E.A. Fenomen psikhotravmy: teoreticheskii aspekt [The phenomenon of psychotrauma: a theoretical aspect]. *Vestnik Novg. GU [Vestnik Novg. State University]*, 2013. Vol. 2, no. 74, pp. 89–91.
18. Semenova V.V. Sotsial'naya dinamika pokolenii: problema i real'nost' [Social dynamics of generations: the problem and reality]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 271 p.
19. Semilet N.V. Kontseptsiya transgeneratsii kollektivnoi travmy: sposoby itseleniya [Elektronnyi resurs] [The concept of collective trauma transgeneration: methods of healing]. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri [Bulletin of Pedagogy and Psychology of Southern Siberia]*. 2014, no 2. URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/pdf/2014/2/932.pdf> (accessed 23.09.2018).
20. Travma: punkty: sbornik statei [Injury: paragraphs: a collection of articles]. Comp. S. Ushakin and E. Trubina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 936 p.
21. Trubina E. Fenomen vtorichnogo svidetel'stva: Mezhdru bezrazlichiem i «otkazom ot nedoverchivosti» [The Phenomenon of Secondary Evidence: Between Indifference and “Refusal from Distrust”]. Comp. S. Ushakin and E. Trubina. *Travma: punkty: sbornik statei [Trauma: clauses: collection of articles]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 171–205.
22. Fedulova A. Pokolenie Kh i pokolenie Y – kto oni i v chem raznitsa [Elektronnyi resurs] [Generation X and Generation Y – who they are and what is the difference].

- MOIARUSSIA: Vyp. 14 fevralya 2016 g. URL: <http://moiarussia.ru/pokolenie-y-pokolenie-x>. (Accessed: 16.01.2019).
23. Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. Neprikosnovennyi zapas [Elektronnyi resurs] [Collective and historical memory. Untouchable stock], 2005. Vol. 40–41, no. 2–3, pp. 8–27. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. (access date: 12.11.2018).
24. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati [Social memory framework]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p.
25. Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma [Elektronnyi resurs][Social change as a trauma]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 1, pp. 6–17. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/512753-1-2001-shtompka-socialnoe-izmenenie-kak-travma-statya-pervaya-shtompka-petr-professor-yagellonskogo-universiteta-krako.php>. (Accessed 10.10.2018).
26. Shtompka P. Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve (stat'ya vtoraya) [Elektronnyi resurs] [Cultural trauma in a post-communist society (article two)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 2, pp. 3–12. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/827/688/1231/002Shtompka.pdf>. (access date: 10.10.2018).
27. Ul'berg S. Khart P., Bos S. Dlinnaya ten' bedy: Obshchestvennaya i politicheskaya pamyat' o katastrofe [The Long Shadow of Misfortune: Public and Political Memory of a Catastrophe]. Comp. S. Ushakin and E. Trubina *Travma: punkty: sbornik statei* [Trauma: Points: Collection of Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 247–275.
28. Ushakin S. Nam etoi bol'yu dyshat'>?: O travme, pamyati i soobshchestvakh [Do we have this pain to breathe?>: About trauma, memory and communities]. Comp. S. Ushakin and E. Trubina. *Travma: punkty: sbornik statei* [Trauma: points: collection of articles.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 5–44.
29. Brown N.R., Lee, P.J., Krslak M., Conrad F.G., Hansen T.G.B., Havelka J., Reddon J.R. Living in History how War, Terrorism, and Natural Disaster Affect the Organization of Autobiographical Memory. *Psychological science*, 2009. Vol. 20, no. 4, pp. 399–405. doi: 10.1111/j.1467-9280.2009.02307.x
30. Corning A, Schuman H. GeneratQion and collective memory. The University of Chicago Press. Chicago. 2015. 254 p.
31. Kenny M.G. Place for Memory: The Interface between Individual and CollectiveHistory. *Comparative Studies in Society and History*, 1999. Vol. 41(3), pp. 420–437.
32. Riessman C.K. Analysis of personal narratives [Electronic resource]. In J.F. Gubrium and J.A. Holstein (eds.). *Handbook of Interviewing*. Sage Publications, 2001. URL: <http://alumni.media.mit.edu/~brooks/storybiz/riessman.pdf>. (accessed 21.10.2018).
33. Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press, 2004, pp. 31–59.